

Элен Ош

РАЗВЕДЕНКА

Красивая и опасная

Элен Ош

Разведенка.

Красивая и опасная

<https://litres.ru/74213788>

Аннотация

Я была идеальной женой, пока не узнала, что муж потратил мое наследство на квартиру для любовницы и ее сына: наследника, которого я ему не смогла родить. Теперь я — разведенка. Красивая, опасная и готовая уничтожить его империю кадром своего фотоаппарата.

♥#Книга о том, как не сломаться, когда предают те, кого любишь. И о том, что настоящая сила просыпается ровно в тот момент, когда терять уже нечего.

♥#Один лайк, одно добавление в библиотеку, и эта история о сильной женщине найдет тех, кому она нужна.

Содержание

Глава 1. Сюрприз, папочка	4
Глава 2. Итоговый чек	8
Глава 3. Инстинкт выживания	15
Глава 4. Антисептик для души	24
Глава 5. Юридическая западня	36
Глава 6. Цена подписи	44
Глава 7. Бункер. Утро после капитуляции	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1. Сюрприз, папочка

Ловить мир через объектив — моя отдушина. Особенно когда миром этим оказывается карапуз, только-только разменявший первый год.

Вот, например, Артемка. Сидит на белом пледе, смотрит круглыми глазенками и пытается донести до мамы, что эта плюшевая собачка — самое интересное, что он в жизни видел.

А мама Вика, девчушка лет двадцати, с неиссякаемым зарядом энергии, прыгает вокруг, хлопает в ладоши и дурачится.

— Артюша! Смотри сюда! Кто у нас хороший? Кто у папы молодец?

Малыш, поймав ее взгляд, заливается булькающим смехом. И я щелкаю. Раз, другой. Вот он — самый честный кадр.

Детский смех. В нем нет притворства, нет того, что взрослые так виртуозно маскируют под улыбку. Только чистая, искрящаяся радость.

Сердце на секунду сжимается. Знакомое, тупое чувство. Таким же смехом мог бы заливаться и наш... Но я привычно отгоняю мысль. Не сегодня. Сегодня я работаю. А работа — мое спасение.

Пусть Максим и считает эти фотосессии «бредом сивой кобылы». Но для меня это глоток воздуха. Возмож-

ность ненадолго забыть, что я просто Аглая Свиридова, жена успешного бизнесмена, и снова стать просто Аглаей, которая умеет ловить моменты.

Заработанные деньги — мои личные, на мелочи: на новую помаду, на красивый шарфик. Мелочь, а приятно. И вообще, два раза в неделю — это не в ущерб семье, как мы с ним договорились. Честное слово.

Пока я перемещаюсь, ищу новый ракурс, мама Артема не умолкает. Она вся светится изнутри, и ей нужно этим светом поделиться.

— Вы знаете, он у нас такой шустрый! Папа просто души не чает. Говорит, я ему наследника подарила, — она смеется, и в смехе этом нет ни капли цинизма, одна гордость. — На рождение сына квартиру нам подарил! Вот сегодня, после вашей съемки, он придет, будем праздновать один годик Артемке. Гостей человек двадцать!

Я улыбаюсь ей в ответ, киваю. Молодая, счастливая. Все у нее впереди. И хорошо. Пусть будет счастлива.

— Прекрасно, — говорю я, направляя объектив на Артема, который усердно пытается оторвать пуговицу от медвежонка. — Ловите эти моменты. Они так быстротечны.

И тут, словно подтверждая ее слова, раздается звонок в дверь.

— Ой, это он! — лицо молодой мамы озаряется еще ярче. Она пулей взлетает с пола и мчится в прихожую. — Артем, папа приехал! Вы присмотрите? Я быстро!

Я остаюсь с малышом. Подхожу поближе, на всякий случай, чтобы он не уполз куда не надо. И невольно прислушиваюсь.

Из прихожей доносятся радостные восклицания, счастливый смех, приглушенные ласковые слова: сначала ее, потом низкий мужской голос. Обычная семейная сцена. Милая. Но почему-то мне становится немного не по себе. Просто голос мужчины. Вроде бы ничего особенного. Но я прислушиваюсь.

И вот в гостиную вкатывается огромный белый плюшевый медведь. За ним плывут гелиевые шары. И за всем этим праздничным великолепием появляется... он.

Максим. Мой муж.

Он замирает на пороге, все еще держа в руке лапу медведя. Его улыбка, широкая и довольная, застывает. Тает, как мороженое на асфальте. В его темных глазах мелькает сначала недоумение, потом стремительное, как удар тока, осознание. И наконец — ледяная пустота.

Я не могу пошевелиться. Кажется, даже дыхание перехватило. Весь шум мира — и лепет Артема, и недоуменное «Максим?» его молодой... любовницы — ушел куда-то далеко, загубленный оглушительным звоном в ушах.

Мы просто смотрим друг на друга. Он на меня, в моем синем свитере и джинсах и с небрежной гулькой рыжих волос на голове, с камерой в руках, на чужом празднике. Я — на него, с его медведем и шарами, в доме, который он подарил

«наследнику».

Я медленно, очень медленно поднимаю камеру. Навожу на него. Щелк.

Звук затвора звучит, как выстрел.

— Сюрприз, — говорю я тихо, глядя ему в глаза через объектив. — Папочка.

Глава 2. Итоговый чек

Тишина после моего «Сюрприз, папочка» звенит в ушах. И первым ее ломает не Максим, а Вика. Она выглядывает из-за его спины, и ее лицо — готовый кадр для учебника по эмоциям: радость, сменившаяся недоумением, а теперь зарождающимся страхом.

— Максим? Что... что происходит? — ее голосок дрожит. Взгляд мечется от его окаменевшей спины ко мне.

Максим вздрагивает, будто ее слова — щелчок, запускающий программу. Он медленно, с преувеличенной властью, поворачивается к ней. Но я вижу, как напряжены мышцы его шеи, как побелели костяшки на пальцах, все еще сжимающих лапу идиотского медведя.

— Виктория, — его голос низкий, ровный, и от этого еще страшнее. — Заткнись. Возьми ребенка и уйди в спальню. Сейчас же.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать, но встречает его взгляд. Вижу, как она съеживается, бледнеет и, беззвучно кивнув, хватая занывшего Артема и почти бегом исчезает в глубине квартиры. Дверь притворяется с тихим, но окончательным щелчком.

Мы остаемся одни в этой вычурной гостиной, пахнущей новым ремонтом и дешевым парфюмом. Он бросает медведя на пол, и тот плюхается с нелепым шуршанием. Подарок для

наследника.

— Что ты тут делаешь? — он начинает первым, и в его тоне я слышу знакомую смесь раздражения и показного спокойствия. Как будто я опоздала с обедом, а не застукала его в любовном гнездышке. — Шпионишь? Устраиваешь слежку?

Я вскидываю голову. Тот самый прилив адреналина, что сковал меня секунду назад, теперь растекается по венам жгучей, ясной злостью.

— Я-то здесь работаю, — говорю я, и мой голос звучит хрипло, но твердо. Я отстегиваю камеру и ставлю ее в открытую фотосумку. — Фотосессия. Меня наняли. А вот что ты тут делаешь, Максим? Покажи-ка мне свой график командировок на сегодня. Или это «проверка объекта»? И тебе не стыдно?

Он фыркает. Звук короткий, презрительный. Он делает шаг вперед, заполняя собой пространство. Его дорогой парфюм, который я когда-то выбирала, теперь пахнет чужим.

— Мне стыдно? С чего бы? — он разводит руками, демонстрируя себя, эту квартиру, эту жизнь. — Как видишь, я вполне здоров. И мой сын, моя мечта, — он делает ударение на этих словах, — тому подтверждение. Так что это не мне стыдиться, а тебе. Ты мне родила только дочь. А Ульяна — она девочка. Она не для бизнеса. Мне нужен был Наследник.

Слова бьют точнее пощечины. Старая, гноящаяся рана вскрывается одним движением. Он не просто говорит о сыне: он тычет мне в лицо годы нашей общей неудачи. Тот вы-

кидыш на пятом месяце, мальчик, после которого врачи разводили руками: «Шансы есть, но крайне малы».

Годы обследований, гормональных терапий, безнадежных попыток. А потом — его отстраненность. Его холодные взгляды, будто я бракованный товар, не выполнивший свою основную функцию.

Смерть моей мамы и глубокая депрессия после нее стали лишь финальной точкой, оправданием для него самого, чтобы перестать даже делать вид. Ты не смогла подарить наследника. Ты родила «не того»: всего лишь дочь. А потом и вовсе оказалась пустым местом, бесплодной почвой. Ты — пустота.

— А теперь марш домой, — его тон становится приказным. — Чтобы больше духа твоего здесь не было. Успокойся, приведи себя в порядок. Дома поговорим.

«Дома поговорим». Это значит, он будет сидеть в своем кресле, а я буду стоять, как провинившаяся школьница. Он будет объяснять мне, как я все неправильно поняла, как у меня на почве стресса «поехала крыша», как мне нужно лечиться. Старый, отлаженный сценарий.

Я отшатываюсь от него, будто от удара током, и начинаю лихорадочно совать в сумку софтбоксы, объективы. Руки дрожат, и я ненавижу эту дрожь, ненавижу его за то, что он ее видит.

— Нам не о чем больше разговаривать, Свиридов, — вырывается у меня. — Видеть тебя не хочу. Ты подлая и лживая мразь!

Я не успеваю сообразить, откуда взялась рука. Щелчок, резкая боль, искры в глазах. Голова откидывается назад. Пощечина.

Он ударил меня.

В ушах звон. Я прижимаю ладонь к горячей щеке, не веря. Он бывал резок, груб, мог накричать, унижить словом. Но руки... никогда.

Он наклоняется ко мне, и его шепот обжигает ухо злобой: — Пошла вон. Сидишь дома и ждешь, когда я вернусь. И дочь моя это знает. Ясно? И чтобы писка нигде не было. Иначе... — он не договаривает, но его взгляд скользит по моей сумке с аппаратурой. Угроза висит в воздухе, густая и неоспоримая.

Слезы подступают к горлу, горьким, унижительным комом. Но я их глотаю. Глотаю вместе с криком, с истерикой. Ирония ситуации вдруг обжигает меня: я, Аглая, которая ловит искренние эмоции, сейчас вынуждена запечатать все свои чувства в непробиваемый саркофаг.

Я не смотрю на него больше. Молча, трясущимися руками, я застегиваю сумку, натягиваю куртку, засовываю ноги в ботинки. Каждое движение дается с трудом, будто я погружена в бетон. Он стоит и наблюдает, сложив руки на груди. Надсмотрщик, наблюдающий за выполнением приказа.

Я выхожу в подъезд. Дверь за мной закрывается беззвучно: хороший звукоизоляционный замок. Дорого.

И вот тут, на холодной бетонной площадке, ноги оконча-

тельно подкашиваются. Я опираюсь о стену, вдыхая запах пыли и чужой жизни. Палец сам тянется к кнопке вызова лифта.

И замирает в сантиметре от пластика.

В голове, поверх гула и боли, вдруг включается холодный, безжалостный кассовый аппарат. Не его. Мой. Тот самый, что молчал все эти годы, забитый горем и таблетками. Шестеренки, смазанные слезами, начинают вращаться, выстраивая даты в безупречную, чудовищную линию. Щелк. Три года назад. Последняя, отчаянная ставка — ЭКО. Его сперма, мои яйцеклетки, чужая лаборатория и молитва. Неудача. Не «не получилось». Провал. Его лицо тогда было не печальным. Оно было... бухгалтерским. Как будто он ставил галочку в графе «проект закрыт». *«Ну что ж, видно, не судьба»*. Эти слова прозвучали как приговор не нашей мечте о ребенке, а мне лично. Как списание актива.

Щелк. Два года назад. В его жизни появилось что-то новое. Не в словах, в самом воздухе вокруг него. Легкая отстраненность, которая раньше бывала только перед крупной сделкой. Частые совещания, проверка объектов за городом. Я не допытывалась. У меня не было сил. Теперь понимаю: тогда и начался кастинг. Поиск подходящего кандидата на роль инкубатора для его главного проекта.

Щелк. Год с небольшим назад. Мама. Скорая, больница, тихий стон и тишина. Мир съежился до размеров темной комнаты и баночки с таблетками. Он взял все в свои руки.

Герой. Спаситель. *«Не волнуйся, я все улажу. Наследство, квартира... Подпиши тут, и тут... Ты же в состоянии? Давай, подпиши, чтобы я мог действовать»*. Его рука, протягивающая ручку, была твердой. Моя — дрожащей от транквилизаторов и невыплаканных слез. Я подписала. Доверенность. Расписки. Бумаги, текст которых расплывался перед глазами. Какая же я была дура.

Щелк. Примерно девять месяцев назад. *«Квартиру мамы продали очень выгодно, —* доложил он как генерал после удачной операции. *— Деньги пойдут в оборот. На новый перспективный объект»*. Он сказал «объект». И я, одурманенная горем и химией, кивнула. Мамины обои, мамин смех, мамино наследство — все превратилось в абстрактные «средства», вложенные в «бизнес». В его бизнес.

И все это время, параллельно, тикали другие часы. Молодой, двадцатилетней Вики. Где он ее нашел? Скорее всего, перспективная практикантка. Доступная, впечатлительная, готовая видеть в нем благодетеля. Ее беременность. УЗИ. Он, наверняка, присутствовал на том самом, где сказали: «Мальчик». Он, расчетливый стратег, уже видел не плод на мониторе, а готовый проект. «Наследник». Мечта сбывалась. Просто не со мной.

Логика выстраивается не просто в конструкцию. Она складывается в идеальный, железобетонный склеп. Где кирпичами стали мои потери, а раствором — его цинизм. Он не просто изменил. Он провел операцию по переносу активов.

Сначала эмоциональных: от меня к ней. Потом финансовых: из моего прошлого в свое будущее.

Я была не женой, которую предали. Я была неликвидным активом, который нужно было тихо и легально обнулить.

Я медленно отдергиваю руку от лифта. Поворачиваюсь и смотрю на ту самую дверь, за которой остались он, его сын и его молодая...

На какие деньги он купил ЭТУ квартиру?

Вопрос повисает в ледяном воздухе подъезда, звенит в висках громче любого звона.

Не на бизнес-кредит. Не на прибыль от «Свиридов-СтройХолдинг».

Он купил ее на мамины деньги. На деньги от продажи моего наследства. Квартиру, в которой выросла я. Стены, которые помнили мамин смех.

Он взял последнее, что у меня осталось от прошлого, от корней, от любви и вложил это в фундамент своего нового, идеального будущего. С молодой матерью. С наследником.

Кассовый аппарат в моей голове выдал итоговый чек. И на нем была не сумма, а одно-единственное слово, выжженное огнем:

Война.

Глава 3. Инстинкт выживания

Война.

Это слово отдается эхом в моей голове, пока я нажимаю кнопку лифта. Пока спускаюсь. Пока выхожу на улицу. Городской воздух, прохладный и пахнувший бензином, врывается в легкие, заставляя вздрогнуть. Отрезвляет. Немного.

Сколько раз я в девичестве залипала на дурацких сериалах про измены, сочувствовала героиням на экране. И всегда думала: «Фу, какая же я буду умная, меня так не обмануть». Ну что ж, поздравляю, Аглая. Ты в роли.

Вызываю такси в приложении. Моя машина на техобслуживании. Или уже не моя. Ехать нужно домой. Не потому что он приказал. Потому что это все еще мой дом. Правда, сейчас эта мысль звучит как плохая шутка. Мой дом. В котором дочь, которая... Нет, об этом позже. Сначала нужно просто доехать.

Сажусь в машину. Молчу. Водитель, пожилой мужчина, бросает на меня взгляд в зеркало заднего вида: наверное, видит мое глаза на мокром месте и горящую щеку. Спрашивать не стал. Спасибо ему.

Гляжу в окно. Проплывают дома, вывески, люди. А я не вижу ничего этого. Я вижу другое окно. Прошлое.

Солнечный день. Я, молоденькая, с тяжелым «Никоном» на шее, охочусь за удачным кадром фасада старинного особ-

няка. И вот из парадной выходит он. Высокий, статный, в рубашке с закатанными до локтей рукавами. Увидел меня, прицелившуюся камерой, и... улыбнулся. Широко, беззаботно. Даже принял позу, развел руки: мол, снимайте, я готов. Я тогда рассмеялась. Смутилась. Щелкнула.

Это был Максим. Только что закончил «евроремонт» в одной из квартир этого дома. Его фирма, тогда еще крохотная контора из трех человек, делала первые шаги. Он тут же, на ходу, предложил мне сделать профессиональные снимки для продажи. «Заплачу хорошо». И заплатил. Потом подкинул еще работы. А потом... Потом он сам стал появляться в кадре моей жизни все чаще и чаще. Мы встречались, смеялись, строили планы. Его дело уверенно росло. А моя карьера фотографа... Она как-то сама собой сошла на нет, когда я забеременела Ульяной.

У компании появился свой, «настоящий» фотограф для рекламы объектов. А мне отвели новую, почетную роль. Жены. Матери. Хранительницы очага. Максим никогда не скрывал, что хочет сына. Ну, от дочери, конечно, не отказывался. Любил ее. По-своему. Но ждал наследника. И вот, дождался. Только не от меня.

«А дочь, кстати, об этом знает».

Слова, оброненные им в квартире у Вики, врываются в мое сознание снова, как удар током. Я вжалась в сиденье такси. Водитель встревоженно покосился.

В смысле, «знает»? О чем? Про то, что отец задержива-

ется на работе? Или... или про сына? Про этого самого Артемку?

Меня снова бросает то в жар, то в холод. К горлу подкапывает тошнота. Нет. Не может быть. Ульяна не могла... Не стала бы молчать. Или стала?

Машина останавливается у нашего дома. Я почти не помню, как вышла. Тащу свою неподъемную сумку, заставляю ноги нести меня к подъезду. Лифт. Этаж. Дрожащей рукой пытаюсь вставить ключ в замочную скважину. Со второго раза получается.

В прихожей тихо. Пахнет моим же средством для мытья полов и чем-то сладким: дочь, наверное, ела шоколад. Сбрасываю куртку, ставлю сумку на полку. Ульянины розовые угги валяются посреди коридора. Значит, она дома.

— Ульяна? — зову я. Голос звучит хрипло, чуждо.

Ответа нет. Ну конечно. Она либо в наушниках слушает музыку, либо в игре зависла. Пятнадцать лет, девятый класс, а весь ее мир — это экран ноутбука и телефон. Танцы бросила после папиных слов: «К чему это? Вилять задницей? Ты и так красивая и богатая, мужа найдешь без проблем». И она послушалась. Борщи варить, правда, учиться не стала. «Я богатая, найму кухарку», — заявила тогда. Максим только засмеялся. Поощрил.

Я иду в ее комнату. Дверь приоткрыта. Так и есть: она сидит за компьютером, в огромных наушниках, уставившись в монитор. На экране мелькают какие-то анимационные мон-

стры. Она их яростно расстреливает.

Подхожу совсем близко. Она наконец замечает меня краем глаза, кивает, не отрываясь от игры. Ярко-медные пряди волос (мои, черт побери) выбиваются из небрежного пучка.

Терпение, которого у меня и так не осталось, лопается. Я хватаю шнур наушников и резко стаскиваю их с ее головы. Хватаю за плечи и разворачиваю кресло ко мне.

— А-а-а! Ты чего?! — взвизгивает она. — Я катку из-за тебя проиграю, идиотка!

Ее глаза, мои же серо-зеленые, полны искренней, животной злости. Не из-за моего вторжения. Из-за проигранной «катки». В этот момент я ее почти ненавижу.

— Переживешь! — огрызаюсь я, и мой голос звучит резко, как у нее. — Слушай сюда. И отвечай четко. Ты знала, что у твоего отца есть любовница?

Ульяна замирает. Злость с ее лица не спадает, но в глазах появляется что-то другое. Осторожность. Расчет. Она откидывается в кресле, закидывает ногу на ногу — жест, скопированный у отца.

— О чем ты? — говорит она слишком спокойно. — С чего вдруг?

— Не прикидывайся, Ульяна! — я делаю шаг ближе, и она невольно отодвигается. — Он сам сказал. Что ты в курсе. Так что, давай. Ты знала?

Она смотрит на меня несколько секунд. Ее взгляд скользит по моему лицу, по моей взъерошенной прическе, оста-

навливается на щеке, которая, наверное, все еще красная. И в ее глазах я не вижу ни удивления, ни сочувствия. Я вижу быструю, пронзительную оценку ситуации. Как у Максима перед сложными переговорами.

— Ну, — наконец говорит она, пожимая одним плечом.
— Ну, знала. И что?

Эти два слова — «и что» — бьют сильнее, чем та пощечина. У меня перехватывает дыхание.

— И что? — повторяю я шепотом. — Ульяна... У него там... ребенок. Сын. Ты и про это знала?

Она отводит глаза. Смотрит на клавиатуру, проводит пальцем по глянцевой поверхности. Это — ответ.

— Отец сказал, что это для бизнеса важно, — бормочет она, не глядя на меня. — Что ему нужен наследник. А ты... ты не смогла. Он сказал, ты и так расстроена, чтобы я тебе не говорила и не расстраивала еще сильнее.

Каждое ее слово — лезвие. Холодное, отточенное его цинизмом. Он не просто рассказал. Он объяснил. Он сделал ее соучастницей, взрослой, «понимающей».

— И ты... ты согласилась? Молчала? Целый год? — голос у меня срывается.

Она резко вскидывает на меня голову, и теперь в ее глазах уже не осторожность, а вызов. Тот самый, упрямый, максимовский.

— А что я должна была делать? Рыдать вместе с тобой? — она говорит громко, четко. — Папа обеспечивает нам всю

эту жизнь! Квартиру, машины, мою школу, мои вещи! Он сказал — это для семьи. Для нашего будущего. А ты... ты что делаешь? Фотографируешь чужих детей, чтобы на помадугу заработать! Сидишь дома и ноешь про того мертвого ребенка и про бабуку!

Я отшатываюсь, будто она ударила меня ножом. Все эти годы моей боли, моей депрессии — для нее это просто «нытье». Несчастный случай, мешающий жить их с папой красивой жизнью.

— Он купил той девушке квартиру, — говорю я, и слова выходят хриплыми, с трудом. — Скорее всего, на мамины деньги. На деньги от продажи бабушкиной квартиры. Ты это тоже знала?

На ее лице впервые появляется что-то, кроме злости и вызова. Микроскопическая трещина. Легкое недоумение. Нет. Этого она не знала. Для нее это была просто еще одна «бизнес-сделка» отца. А то, что фундамент этой сделки — мои обгоревшие после потерь кости, ее не волновало.

— Какая разница? — она все равно фыркает, но уже менее уверенно. — Папа все правильно делает. Он знает, как лучше.

— Для кого лучше, Ульяна? — я почти кричу. — Для нас? Или для него и его новой семьи?

— Не ори! — она вскакивает с кресла, становясь со мной почти на одном уровне. Ее медные волосы пылают. — Я не хочу это слушать! Если тебе не нравится, вали отсюда! Я

остаюсь с папой! У него все есть! А с тобой что будет? Нищета! Я не буду жить в какой-то халупе и считать копейки!

Вот оно. Голая, неприкрытая правда. Не любовь к отцу. Страх. Страх потерять этот налаженный мир, где папа — волшебник с кредитной картой, а мама — приложение к интерьеру, которое иногда портит настроение.

Я смотрю на нее. На свою дочь. И вижу в ней не ребенка, а маленькую, испуганную и потому озлобленную копию Максима. Его самого верного и страшного солдата.

— Хорошо, — говорю я тихо. Вся ярость куда-то уходит. Остается только ледяная, мертвая пустота. — Ты сделала свой выбор. Запомни этот день, Ульяна. И эти слова.

Я разворачиваюсь и ухожу из ее комнаты. Она не зовет меня назад.

В коридоре я останавливаюсь, опираясь о стену. Из-за закрытой двери доносится приглушенный, яростный стук по клавишам. Она снова ушла в игру. В свой безопасный, простой мир, где врагов можно просто расстрелять.

У меня больше нет дома. Есть поле битвы. И на нем я осталась абсолютно одна.

Сначала жизнь отобрала у меня сына. Потом — маму, а с ней и деньги, и память. А Максим, как заправский мародер, добавил к этим потерям самое страшное. С помощью дорогих игрушек и лживых сказок он отнял у меня дочь.

Кассовый аппарат в моей голове щелкает снова. Подводя предварительный итог.

Активов: 0.

Врагов: 2 (как минимум).

Выходов: 1.

Я иду в спальню. Не нашу с ним. В гостевую. Беру с верхней полки шкафа старую спортивную сумку. Начинаю методично складывать в нее самое необходимое. Несколько футболок, джинсы, свитер, пару платьев и белье. Косметичка. Паспорт. Свидетельство о браке. Беру ноутбук и зарядку.

Рука нащупывает в кармане куртки бумажник. Открываю. Там лежат две карты.
Первая — «семейная». На нее Максим исправно раз в месяц переводил некую сумму со словами: *«На продукты, на бытовую химию, на что там вам, женщинам, нужно»*. Это были не мои деньги. Это был бюджет на обслуживание его быта, его дочери, его репутации примерной семьи. Я была всего лишь кассиром в этом домашнем супермаркете.

Вторая карта — моя. Та самая, на которую изредка приходили гонорары за фотосессии. *«На шпильки и трусы»*, как едко говорил он. Суммы там были смешные. Но они были мои. Независимые. Заработанные не умением купить правильную говядину, а умением поймать свет и душу.

Я вынимаю обе карты. Первую, семейную, сжимаю в кулаке. Сейчас же сниму с нее все до копейки. А потом просто выброшу. Он ведь все равно перестанет ее пополнять. А

свою, личную карту, бережно кладу в отдельный кармашек сумки. Это моя воздушная подушка на пару недель. Мой единственный кислород.

Значит, нужно будет искать работу. Настоящую. И быстро.

Потом возвращаюсь в прихожую. Открываю сумку с фотоаппаратурой. Достаю камеру. Карту памяти, на которой остались снимки счастливого Артемки и... кадр с Максимом в дверном проеме, с его лицом, искаженным шоком. Мое первое оружие.

Я кладу камеру поверх вещей в спортивную сумку. Закрываю ее.

Последний раз оглядываюсь. Шикарная, бездушная квартира. Мой склеп последних десяти лет.

Я выхожу в подъезд. Дверь закрывается за мной. Уже во второй раз за сегодня. Но теперь — навсегда.

У меня есть сумка. Фотография. И адрес одной-единственной подруги, которая еще не разучилась отвечать на звонки.

Это не бегство. Это — отход на заранее подготовленные позиции. Первый шаг моей войны.

Глава 4. Антисептик для души

Сумка с глухим стуком плюхается на старый, потертый паркет в прихожей. Не тот идеальный ламинат, холодный и скользкий, что лежит у нас дома. Этот пол теплый, живой.

Я прислоняюсь к стене в горошек из детских наклеек, закрываю глаза. Два часа, прошедшие с той сцены в квартире Вики, сливаются в одно мутное пятно боли и звона в ушах. Я даже не помню, как дошла до этого подъезда, как набрала код и поднялась на пятый этаж. Сработал автопилот. В голове горело одно слово — Света.

Светлана Зайцева. Единственная, к кому можно прийти в любое время с окровавленной душой и спортивной сумкой вместо чемодана. Мы учились вместе в институте культуры, на одном потоке худграфа. Она — на дизайне, я — на фотографии. Мы делили одну комнату в общежитии четыре года, пили дешевое вино из пластиковых стаканов и мечтали о славе. Ее мечты сбылись: Света стала крутым PR-менеджером в сфере культуры. Мои... мои куда-то испарились, растворились в аромате готовых обедов и тихом звуке стиральной машины.

И когда мир рухнул, ноги сами понесли меня сюда. Потому что Света никогда не говорила «я же предупреждала». Она говорила: «Иди ко мне, будем думать». И после корот-

кого звонка по телефону, сбивчивых слов про измену, она просто произнесла свою кодовую фразу. И я пришла.

Дверь открывала не Света, а ее муж, Дима. Высокий, чуть сутулый, в растянутом сером свитере, спортивных брюках и тапочках: его привычная домашняя униформа разработчика преуспевающей IT-компании. Благодаря гибкому графику, Дима часто работал из дома.

— Заходи, — бросает он низким, ровным голосом и шагает в сторону, пропуская меня.

— Брось все в коридоре, — знакомый голос звучит из глубины квартиры. — Раздевайся и иди на кухню. У нас протокол.

«Протокол». Это слово выдергивает меня из ваты, в которой я тону. У Светы на все случаи жизни были свои «протоколы»: от проваленного экзамена до разрыва с парнем. Четкий, бездушный план действий, который не оставлял места истерике. Сначала антисептик. Потом — разбор полетов. Значит, не все потеряно. Значит, она знает, что делать, когда я уже не знаю.

Я еще не успеваю сделать и шага, как из глубины квартиры раздается топот маленьких босых ног, и в прихожую влетает пуля в розовой пижаме с единорогами.

— Крестная Аглая! — пронзительно пищит Вера, их четырехлетняя дочь, и цепляется мне за ногу.

Меня на мгновение вырывает из ступора. Крестная. Да. Света настояла, когда Вера родилась. У подруги тоже долго

не получалось забеременеть. Мы с ней тогда были в одной лодке: я после выкидыша, она — после бесконечных обследований.

Когда наконец получилось, она плакала у меня на плече, а я снимала ее слезы счастья на свою старую «зеркалку». А потом, когда Вера родилась, я сделала им первую домашнюю фотосессию. Снимала крошечные пальчики, вцепившиеся в папин палец, первую неловкую улыбку во сне, слезы Светы от усталости и бесконечного счастья.

Дима тогда был таким же: титанически спокойным, как скала. Он не говорил лишних слов, но его огромные ладони были невероятно нежными, когда он держал эту трехкилограммовую вселенную.

Сейчас эти маленькие ручонки, обнимающие мои колени, как удар током. Живые, теплые. Совсем не такие, как холодная ненависть в глазах Ульяны.

— Вера, малышка, — Дима мягко, но твердо отцепляет дочь от меня и подхватывает на руки. — Крестная пришла по взрослым делам. Пора спать.

— Но я хочу сказку! — надувается Вера, зарывшись носом в его свитер.

— Сказка будет, — кивает Дима. Он смотрит на меня, и в его взгляде на секунду мелькает что-то понимающее, почти извиняющееся. — Иди. Света ждет.

Он разворачивается и уносит ворчащий сверточек обратно в детскую, откуда тут же плывет его монотонный, ровный

голос: «Жил-был один баг. Очень вредный баг. Он любил прятаться в самом неподходящем месте: в коде отправки сообщений...»

Я машинально скидываю куртку. Сую ноги в протянутые Димой тапки: огромные, розовые, в виде мордочек такс. Максим терпеть не мог «этот хлам» в прихожей. У нас лежали тонкие одноразовые в строгой коробочке. Гигиенично.

Иду на голос. На голос Светы с кухни. Пахнет корицей, молоком и чем-то домашним, уютным.

— Садись, — она тычет в сторону стула. На столе уже стоят два толстых стакана и бутылка коньяка. Не того, выдержанного, в бархатном футляре, который Максим покупал для показухи. А обычного, «трехзвездочного», из которого мы когда-то пили в общеаге, заедаая плавленым сырком.

Я опускаюсь на стул. Позвоночник благодарно хрустит.

— Пей, — она наливает в оба стакана. Жидкость густая, янтарная. — Это не коньяк. Это антисептик для души. Одна рюмка — протокол.

Я беру стакан. Пальцы плохо слушаются. Я глотаю. Огонь растекается по пищеводу, выжигает комок в горле. Я кашляю.

— Ну вот, — Света удовлетворенно кивает и выпивает свою залпом. — Теперь можно дышать. Молчи и дыши.

Так мы и сидим. Я, уставившись в стену, где на пробковой доске висят детские рисунки, билеты в театр и фотография Светы с Димой на Эльбрусе. Они в дурацких вязаных шап-

ках, смеются. У нас с Максимом не было таких фото. Нам было не до смеха. Мы строили будущее.

Через несколько минут в кухню возвращается Дима. На его лице выражение человека, только что победившего сложную, но абсурдную задачу.

— Ну что, спит? — Света поднимает на него взгляд, и в углу ее рта дрожит улыбка.

Дима хмыкает и тянется к чайнику.

— От моих сказок про оптимизацию запросов и вредоносные баги попробуй не уснуть.

Он ставит передо мной кружку. Пахнет липой и медом.

— Чай. С медом. Для шока. Глюкоза помогает.

Я киваю, обхватывая кружку ладонями. Жар оживляет ледяные пальцы.

— Ну что, — Света подпирает подбородок кулаком. — Начинаешь соображать? Или еще в отключке?

Я пытаюсь что-то сказать, но из горла вырывается только хрип. Я снова глотаю коньяку.

— Он... — я начинаю и замолкаю. Как описать этот ледяной ужас? Пощечину? Слова дочери?

— Не начинай с него, — Света качает головой. — Начни с нас. Помнишь, как мы на крышу академички в шесть утра забирались? Ловить рассвет над промзоной?

Я медленно киваю. Помню. Мороз, окоченевшие пальцы, сжимающие камеру, и розово-золотое небо над трубами.

— А помнишь, как ты тот кадр с замерзшей паутиной в

инее продала в газету? Первые деньги? — ее глаза блестят. — Мы на них три дня шампанское пили! В столовой, из пластиковых стаканов.

Уголки моих губ подрагивают.

— Ты тогда говорила, что станешь знаменитым фотографом, — Света говорит мягко, но настойчиво, вытаскивая меня из трясины. — Будешь снимать для глянца. А я буду твоим агентом.

— У меня был план, — шепчу я.

— Был. Пока не появился Максим Свиридов, — Света не смягчает имя. — И план куда-то испарился. Так?

— Я любила его, — говорю я просто. И это была правда. Та, горькая правда, от которой сейчас сводит скулы.

Дима откладывает свое яблоко, которое чистил с хирургической точностью.

— В его системе ценностей ты, скорее всего, была активом, — говорит он спокойно. — Актив приносит пользу, пока выполняет свою функцию. Как программа.

Я поворачиваюсь к нему. Он смотрит на меня не с жалостью, а с тем же сосредоточенным вниманием, с каким, наверное, смотрел на сложный алгоритм.

— То есть я... программа? Которая сломалась? — спрашиваю я, и голос снова дрожит.

— В его логике — да. Ты не родила наследника. Перестала соответствовать требованиям. Он нашел замену. Обновил систему, — Дима говорит странно, но почему-то эти слова

не ранят. Они раскладывают все по полочкам. — Это как в IT. Устаревший софт не подлежит ремонту. Его заменяют. Без эмоций. Просто бизнес-логика.

Света вздыхает.

— Дима, говори человеческим языком, а то она и так в шоке.

— Прости, — он чуть склоняет голову. — Я хочу сказать, что его действия — не личное оскорбление. Это стратегия. Холодная и расчетливая. Ты была частью его... архитектуры. А теперь ты — legacy.

— Легаси? — переспрашиваю я.

— Устаревший код, который мешает развитию, — поясняет он. — Его либо переписывают, либо удаляют. Он выбрал удаление.

Я слушаю и вдруг понимаю. Максим не просто изменил. Он провел аудит. И вынес вердикт: списать.

— Ульяна... — выдыхаю я, и слезы наконец хлещут. Горячие, беззвучные, горькие от осознания. — Она осталась с ним. Посмотрела на меня и сказала... что с ним все есть. Что с ним будущее, машины и... А со мной... со мной одна нищета.

Я вытираю лицо ладонью, но слезы не прекращаются. Это были не слезы по Максиму, по нему я уже выплакала все в такси. Это слезы по ней. По дочери, которая в один миг перестала быть ребенком и превратилась в холодного, расчетливого союзника моего врага. Грубого, злого...

— Она даже не сомневалась, Свет. Ни секунды. Как будто все эти пятнадцать лет я была для нее просто... обслуживающим персоналом. А он — главный администратор в ее личном пятизвездочном отеле.

Голос срывается на полутоне. Я снова глотаю коньяку, давясь и жгучей жидкостью, и собственной беспомощностью.

— Он ее купил. Просто купил. А она... она с удовольствием продалась.

Света молчит, ее лицо становится серьезным, почти суровым. Она отпивает из своего стакана, медленно, будто взвешивая слова.

— Продалась? — наконец говорит она, и ее голос звучит тихо, но режет, как лезвие. — Аглай, давай начистоту. Он ее не купил вчера. Он покупал ее годами. Каждой новой куклой, каждой поездкой на море, каждым снисходительным кивком, когда она хамила тебе, а он делал вид, что не замечает. Он строил в ее голове мир, где папа — волшебник с золотой картой, а мама — скучная тетка, которая вечно ноет и чего-то требует. Это не продажа. Это долгосрочное вложение. И сегодня он просто предъявил ей счет.

Я смотрю на нее, и от этих слов становится еще холоднее. Потому что это была правда. Ужасная, неприкрытая правда.

— Так что нет, она продалась не сегодня, — продолжает Света, и в ее глазах загорается знакомая, яростная искра. — Она была акционером его предприятия с пеленок. А сегодня просто прошло собрание акционеров, и она проголосовала

за сохранение курса. За свои дивиденды.

— Я сломалась, Свет, — шепчу я, чувствуя, как эта метафора вгоняет меня еще глубже в землю. — Я проиграла.

— Ты проиграла один раунд, дура! — Света откидывается на спинку стула. — Самый первый и самый болезненный. Потому что он бил по самому больному: по материнству. Но игра не кончена. Ей пятнадцать. У нее в голове сейчас не мозг, а бурлящий котел гормонов, тик-токов и отцовских сказок. Она не твой враг. Она — заложница. Заложница той сказки, которую он для нее построил. И твоя задача — не ненавидеть ее. Твоя задача: проснуться, прийти в себя и начать аккуратно, по кирпичику, разбирать эту его хрустальную башню. Чтобы она увидела, что за фасадом. Чтобы ей было к кому выбежать, когда она наконец испугается.

Она смотрит на меня, и ее взгляд твердый, безжалостный и бесконечно верящий.

— А для этого тебе нужно перестать быть жертвой. Жертв не слушают. Жертв жалеют и забывают. Тебе нужно стать проблемой. Красивой, умной и опасной проблемой. Понимаешь?

Я молча киваю. Слез больше нет. Есть только сухая, жгучая тяжесть в груди и странное, холодное чувство — как будто кто-то внутри медленно заводит мотор после долгого простоя.

— Она поймет, — Света тихо продолжает, накрывая мою руку своей теплой ладонью. — Не сейчас. Но поймет. Ты са-

ма в ее годы была паинькой? Пирсинг в пупке? Сигареты на крыше? Я помню, как ты рассказывала.

Я невольно улыбаюсь сквозь слезы. Да, было.

— Все проходят через подростковый кризис. И она пройдет. А ты должна будешь быть рядом, когда она выйдет из этого тумана. Поэтому, хватит реветь. Плакать будешь потом. Когда выиграешь.

Дима допивает свой чай.

— Сейчас твоя главная задача – стабилизировать систему, — говорит он. — У тебя есть безопасное место. У нас. Не мешаешь! Еда. Связь. Это база. Дальше, анализ уязвимостей.

— Каких уязвимостей? — спрашиваю я, вытирая лицо.

— Твоих. У него, скорее всего, есть доступ ко многому: твои документы, возможно, почта. Нужно все менять. Пароли, доступы. Чтобы он не мог влезть в твою жизнь технически. Это как сменить замки после того, как тебя ограбили.

Он говорит так просто, будто объясняет, как подключить Wi-Fi. И в этом странный, успокаивающий смысл. Нет места панике. Есть задача. Алгоритм действий.

— Я не знаю, что делать дальше, — признаюсь я.

— Сначала спать, — говорит Света. — Потом завтрак. Потом... Потом видно будет.

Она не договаривает. Потому что в этот момент в тишине квартиры звучит вибрация. Настойчивая, злая. Она идет из кармана моей куртки.

Мы все замолкаем.

— Это он, — говорю я безжизненно.

— Не бери, — резко произносит Света. — Сейчас не бери. Тебе нужны хоть сутки, чтобы прийти в себя. Чтобы он не влез тебе в голову снова.

Я киваю. Но не могу оторвать взгляда от прихожей. Вибрация стихает. Наступает звенящая тишина, которая давит на барабанные перепонки.

Через минуту телефон вибрирует снова: коротко, сигналом СМС.

Я медленно поднимаюсь, иду в прихожую. Вытаскиваю телефон из кармана. Экран светится в темноте.

«Где ты? Домой. Сейчас же. Обсудим как взрослые люди. Ульяна плачет».

Я читаю сообщение вслух, ровным, чужим голосом.

— Классика, — фыркает Света, подходя ко мне. — «Взрослые люди» и «дочь плачет». Щипцы для манипуляции. Первый — давит на чувство вины, второй — на материнский инстинкт. Он мастер.

Телефон снова загорается. На экране «МАКСИМ». Он звонит.

Я смотрю на эти буквы. На имя, которое когда-то заставляло мое сердце биться чаще. Сейчас оно вызывает только холодную, тошнотворную волну.

В глазах Светы читается вопрос. И запрет.

Я поднимаю взгляд на нее. Потом на Диму, который стоит в дверном проеме кухни, молча наблюдая.

В моих глазах, еще красных от слез, медленно гаснут последние искры паники. Их место занимает что-то новое. Острое. Холодное. Похожее на ту сталь, про которую говорила Света.

— Я отвечу, — тихо говорю я. — По громкой связи.

Света хочет что-то возразить, но видит мое выражение лица и замолкает. Вместо этого она быстро достает свой телефон, включает диктофон.

— Готово, — шепчет она, кивая.

Я провожу пальцем по экрану.

— Алло, — говорю я. Голос тихий, но не дрогнул ни на йоту.

Глава 5. Юридическая западня

Тишина после моего «Алло» повисает в воздухе густой, тягучей паутиной. В трубке только его дыхание: ровное, властное, словно он проверяет связь, а не звонит жене, которую только что ударил и выгнал из квартиры любовницы.

— Аглая? Ты где?

Его голос. Тот самый. Низкий, бархатистый, умеющий быть нежным. Сейчас в нем плещется искусственное спокойствие. Я знаю этот тон. Фальшивое добродушие, под которым прячутся стальные лезвия его аргументов.

Света сидит напротив, ее пальцы вцепляются в край стола так, что белеют костяшки. Дима застывает в дверном проеме, его обычно спокойное лицо становится маской напряженного внимания. На столе между нами лежит ее телефон, красная точка диктофона пульсирует, как крошечное сердце.

— Это не имеет значения, — наконец отвечаю я. Голос выходит тихим, но ровным. Без дрожи. — Я не вернусь.

В трубке едва слышный выдох. Не удивление. Раздражение.

— Не вернешься? — ледяные иглы проступают в его бархате. — Ты в своем уме? Бросила дом, дочь из-за какой-то истерики? Возвращайся. Сейчас же. Поговорим.

Я закрываю глаза. Фраза «дома поговорим» отзывается в теле знакомой, унижительной дрожью. «Поговорим» — это всегда его монолог. Мой суд без права защиты.

— Нам не о чем говорить, Максим. Только о разводе.

В трубке раздается звук. Короткий, резкий, похожий на лай. Он смеется. Презрительно, свысока, будто слышит самую нелепую шутку в своей жизни.

— Развод? — он растягивает слово, наслаждаясь каждым звуком. — Ты серьезно? Аглая, милая, ты хоть представляешь, что такое развод? Ты думаешь, это просто бумажка и диван?

Он молчит, давая мне прочувствовать всю глубину моего невежества. В кухне так тихо, что я слышу, как тикают часы в соседней комнате.

— У тебя нет ничего для дивана. Ничего. Твоя сумка со старым хламом — это все твое имущество.

Я вдыхаю. Воздух пахнет корицей и коньяком, но в горле стоит комок от его слов.

— У нас есть общее имущество. Бизнес, квартира, машины, — перечисляю я, как заученный урок. Урок, который я никогда не хотела учить.

Его смех теперь откровенно злой, насмешливый.

— У нас? — он чуть не захлебывается от сарказма. — Дорогая моя, бездарная моя наивная дурочка. Ты когда-нибудь заглядывала в нашу семейную сейф-папку? Ту самую, что стоит у меня в кабинете?

Во рту пересыхает. Я помню эту папку. Толстую, кожаную, с блестящим замком. Она всегда лежала на его столе, как священный грааль. Я и правда никогда не лезла. Зачем? Он же все уладит. Он же знает лучше.

— Там, среди прочего, лежит кое-что интересное, — продолжает он, и его голос становится сладким, ядовитым, как ликер с полынью. — Брачный договор. Который мы подписали перед свадьбой. Помнишь? Ты тогда даже читать не стала, просто подмахнула, улыбаясь.

Щелчок в памяти. Да. Был такой день. Свадебный переполох, последние штрихи. Он положил передо мной стопку бумаг: «Подпиши тут, тут и тут. Не смотри, там сплошные юридические закорючки, голова заболит». А я, счастливая, ослепленная любовью и предвкушением, подписала. Не глядя. Доверяя.

— И доверенность на распоряжение твоим наследством после мамы, — его голос становится тише, интимнее, будто он делится страшной тайной. — Ты сама, своей рукой, прописала, что в случае расторжения брака по твоей инициативе... — он делает театральную паузу, — ...ты отказываешься от всех претензий на активы, приобретенные в период брака. Все. Квартира, машины, доли в бизнесе. Аглая, все, что у тебя есть — это подарки от меня. А подарки, как знаешь, назад не берутся.

Мир вокруг плывет. Я опираюсь ладонью о стол. Дерево холодное и шершавое под кожей. Света сидит с широко от-

крытыми глазами, ее рука сама собой тянется ко мне, но замирает в воздухе. Дима закрывает глаза и медленно проводит ладонью по лицу. Его жест говорит красноречивее слов.

Я пуста. Внутри не остается ни боли, ни страха. Только леденящая, абсолютная пустота, как в открытом космосе. Он не просто обокрал меня. Он заставил меня самой подписать себе приговор. Годами назад. Когда я еще верила в его любовь.

— А Ульяна? — выдыхаю я, и голос звучит как скрип ржавой двери.

— Ульяна остается со мной, — отрезает он, без тени сомнения. — Ей нужна стабильность, нормальная жизнь, образование, будущее. А не жизнь на чемоданах у какой-то подруги.

Суд примет во внимание ее мнение. А ее мнение, как ты сама убедилась, вполне определенное.

Я закусываю губу до боли. Вкус крови, металлический и соленый, возвращает меня в реальность.

— И представь, какая ирония, — его тон снова становится слащаво-ядовитым. — Если суд оставит дочь с отцом — а он оставит — то алименты на ее содержание буду платить не я, а ты. Мне. Ты, которая ни дня в жизни нормально не работала с тех пор, как вышла за меня замуж. Твою возню с фотоаппаратом суд работой не сочтет, поверь. И каждый раз, переводя эти копейки, ты будешь вспоминать, как все просрала. Подумай об этом, Аглая.

Каждое его слово — точно рассчитанный удар. По финансам. По материнству. По самооценке. Он выставляет меня нищей, бездарной, ненужной даже собственной дочери.

— Ты... ты все просчитал, — шепчу я. Не вопрос. Констатация.

— Я — практик. Я строю системы. А ты — романтик с разбитым корытом, — говорит он, и в его голосе звучит почти... сожаление. Фальшивое. — Сделай себе одолжение и прекрати эту комедию. Вернись. Забудем этот неприятный инцидент. Будешь жить как жила. В красоте и покое. Это лучшее, на что ты можешь рассчитывать. Единственное, что я могу тебе предложить.

Последняя фраза повисает в воздухе. Не предложение. Приговор. Пожизненное заключение в золотой клетке, где ты — всего лишь экспонат, забытый зрителем. Или что еще унижительнее — роль бесплатной домработницы с пожизненным контрактом на унижение. Он, конечно, не женится на Вике. Но в дом ее приведет запросто. С него станется. А я... я буду обслуживающим персоналом для него, его наследника и его избалованной дочери.

Я открываю глаза. Вижу лицо Светы. Оно искажено немой яростью. Она сжимает кулаки, ее ноздри раздуваются. Дима смотрит на меня. Не с жалостью. С оценкой. Как на систему, которая только что получила критическую ошибку.

Я медленно подношу телефон к губам. Голос, который из меня выходит, даже меня удивляет. Он тихий, холодный, аб-

солютно четкий. Без единой трещинки.

— Я все поняла, — говорю я. Не ему. Себе. — Увидимся в суде.

И кладу трубку.

Звук крошечный, но в тишине кухни он звучит как хлопок двери склепа.

Пальцы сами разжимаются. Я смотрю на этот кусочек стекла и пластика, на экран, который теперь черный, как мое прошлое.

— Аглая... — начинает Света, и ее голос срывается.

Она вскакивает, обхватывает мои плечи. Но я как деревянная. Не чувствую ее прикосновения.

— Это... это вообще законно? — шипит она, обращаясь уже, кажется, ко Вселенной. — Эти договоры! Он же тебя обманом заставил! Ты же в состоянии аффекта была после смерти матери!

Дима вздыхает. Глубоко, устало.

— Если все правильно оформлено, заверено нотариусом, и она подписывала в здравом уме... — он разводит руками. — Доказывать принуждение или неменяемость будет ой как сложно. И дорого. Юристы, экспертизы...

— Но это же беспредел! — Света почти кричит, трясая мои плечи. — Аглай, скажи что-нибудь!

Я поднимаю на нее глаза. Потом перевожу взгляд на Диму. В зеркале шкафа-купе в коридоре мелькает мое отражение: бледное, искаженное лицо с растрепанными рыжими воло-

сами и пустыми глазами.

И вдруг, из самой глубины этой ледяной пустоты, начинается что-то новое. Не жаркое пламя ярости, с которым я ушла от Вики. Не горькая волна отчаяния, которая накрыла в такси. Что-то другое. Твердое. Острое. Как осколок стекла, который много лет лежал на дне, а теперь всплыл, чтобы порезать.

Я медленно, очень медленно поднимаюсь со стула. Отстраняю руки Светы. Подхожу к окну. За ним ночной город, огни, чужая жизнь.

— Я не знаю, законно ли это, — говорю я в стекло. Мой голос звучит странно отстраненно, будто его издаю не я. — Но я обязана это выяснить.

Я поворачиваюсь к ним. Света смотрит на меня, затаив дыхание. Дима пристально вглядывается, как будто пытается считать мои новые настройки.

— Он думает, что поставил мат. Что у меня нет ни фигур, ни поля, — я говорю тихо, но каждое слово падает на пол с весом свинцовой печати. — Он забыл одну вещь.

— Какую? — шепчет Света.

Я вспоминаю про свою спортивную сумку, валяющуюся в углу прихожей. Ту самую, в которой лежит камера.

— У меня есть фотография, — говорю я. — И я знаю, как ловить свет. Даже в самой густой тьме.

В кухне снова воцаряется тишина. Но теперь она другая. Не давящая, а заряженная. Как воздух перед грозой.

Война... она только начинается.

Глава 6. Цена подписи

Мне нужно увидеть врага. Не его глаза. Их я уже видела. Его почерк. Чернила, которыми он скрепил мой приговор. Я могла бы рвануть домой, к той самой сейф-папке в его кабинете. Но дом — это теперь его территория, его крепость. Там я нарвусь на него или на Ульяну, чей холодный взгляд режет больше любых слов. Я не готова. Еще нет. Мне нужно оружие перед этим столкновением. И подтверждение.

Не его голос, вкрадчивый и лживый, объясняющий, «как все устроено на самом деле». Мне нужен голос закона. Сухой, беспристрастный. Мне нужно услышать приговор из чужих уст, чтобы поверить. Чтобы окончательно сжечь мосты.

Именно поэтому звоню не в первую попавшуюся контору, а туда, где знают Свиридова Максима Юрьевича. Фирма «ЮрВектор». К Артему Кольцову. Если уж принимать яд, то пусть это будет концентрированная, проверенная отравка. Без иллюзий.

— Добрый день, «ЮрВектор», — голос на том конце ровный, профессиональный, лишенный интонаций.

— Здравствуйте. Мне нужна консультация Артема Владимировича Кольцова. По семейному праву.

— Пожалуйста. Ваше имя и вопрос в общих чертах?

— Аглая Свиридова. Вопрос... касается брачного догово-

ра и раздела имущества.

На другом конце повисает короткая, но красноречивая пауза. Пауза, в которой слышно, как шестеренки в голове секретарши резко перещелкиваются: «Свиридова. Жена того самого Свиридова».

— Понимаю, Аглая Игоревна. Минутку, смотрю график.

Слышу щелчки клавиатуры. Пока она «смотрит график», я представляю, как ее взгляд скользит по моей фамилии в базе. Клиент Максим Юрьевич. Основательный. Платит исправно. И вот его жена, с «личным вопросом».

— Артем Владимирович может принять вас завтра в одиннадцать. Это вас устраивает?

— Да. Спасибо.

Вешаю трубку. Не успеваю сделать и вдоха, как телефон вибрирует в руке. Поднимаю трубку.

— Алло?

— Аглая Игоревна? Это Елена, секретарь из «ЮрВектора», — голос теперь звучит на полтона мягче, почти заискивающе. — Вы знаете, я только что уточнила, у Артема Владимировича завтра плотно, но если вопрос срочный, он готов принять вас в любое удобное для вас время. Может, сегодня, после трех?

Чувствую, как по спине пробегает холодок. В голове тут же включается на полную катушку паранойя. Сегодня. После трех. Как-то подозрительно быстро. Почему? Потому что жены таких людей как мой муж не ходят разбирать брачные

договоры просто так. Потому что секретарша, услышав фамилию, тут же побежала к Кольцову. А Кольцов, увидев имя «Свиридова», наверняка тут же набирал номер Максима. И мой муж, холодный и расчетливый, мог дать отмашку: «Примите ее. Сейчас. Узнайте, что она хочет. Держите меня в курсе». Они хотят видеть меня растерянной, доставленной прямо с поля боя. Не дать мне времени собраться с мыслями.

Сердце стучит где-то в горле. Но вместе со страхом поднимается и то самое упрямство. Если они так торопятся — значит, я на правильном пути. Значит, мой визит их беспокоит. Значит, в этой идеальной стене есть крошечная трещина.

— После трех? — повторяю я, заставляя голос звучать ровно, почти скучаяще. — Да, это подходит.

— Отлично! Тогда ждем вас сегодня в три, Аглая Игоревна.

Кладу трубку. Ладони влажные, но внутри уже не пустота. Там горит холодный, ясный огонь. Игра начинается. Не по моим правилам. Но я их перепишу.

Без пяти три стою перед стеклянной дверью офиса «ЮрВектор». Вхожу. Воздух пахнет холодным кофе и свежей типографской краской. Секретарша за стойкой — девушка с безупречным маникюром цвета сгоревшей охры — поднимает на меня взгляд.

Ее глаза скользят по мне, быстрые, как сканер: дорогой крой джинсов, мягкий кашемир свитера, кожаная сумка че-

рез плечо: не спортивная, а та самая, итальянская, подарок Максима на прошлый день рождения, который я теперь ненавижу. Это взгляд оценщика. Она видит деньги. Видит бренд. Но видит и отсутствие портфеля, отсутствие того делового щелчка в глазах, который бывает у жен клиентов, пришедших подписать очередной договор.

Ее улыбка не становится снисходительной. Она становится... осторожной. Чуть более вежливой, чем требуется. Она узнает фамилию. А теперь видит и уровень. Это не покладистая жена. Это — проблема. Дорогая, тихая и поэтому особенно опасная.

— Аглая Игоревна? Проходите, пожалуйста. Артем Владимирович вас ждет.

Кабинет Кольцова стерилен, как операционная. Стекло, хром, холодный белый пластик. Ни одной лишней бумажки, ни одной пылинки. Даже абстрактная картина на стене — просто бежевое пятно в бежевой рамке. Не как у Максима. Хуже. Здесь даже воздух кажется отфильтрованным от всяких эмоций.

За столом мужчина лет тридцати пяти. Коротко стриженный, в идеально сидящей рубашке без галстука. Он встает, протягивает руку. Взгляд профессионала. Ни тени любопытства.

— Аглая Игоревна, очень приятно. Прошу, садитесь. Чем могу помочь?

Сажусь в кожаное кресло, слишком глубокое, заставляю-

щее откинуться назад. Кладу сумку на колени, как щит.

— Я хочу понять мои права. В ситуации... возможного развода.

Кольцов слегка наклоняет голову, складывает пальцы домиком. Поза полного внимания.

— Ясно. Это деликатный вопрос. Чтобы дать точный ответ, мне нужны документы. Брачный договор, если он есть, документы на имущество...

— У меня их нет, — перебиваю я. Слышу, как голос становится жестче. — Они у моего мужа. В сейфе. Или, — делаю паузу, глядя ему прямо в глаза, — здесь. В вашем архиве. Вы ведь ведете дела «Свиридов-СтройХолдинг». Значит, у вас есть копии.

Тишина. Он не моргает, но в его глазах мелькает что-то: не удивление, а быстрое пересчитывание вариантов. Жена приходит не за рецептом, как сохранить семью. Она приходит с разведкой.

— Вы правы, — говорит он наконец, его тон становится чуть суше, официальнее. — Мы действительно оказываем юридическое сопровождение компании вашего супруга. Что касается личных документов... При наличии вашего письменного запроса и паспорта, как супруги, я могу предоставить вам для ознакомления копии документов, касающихся общего имущества. Это в рамках закона.

Он делает паузу, давая понять: я делаю тебе одолжение.

— Я хочу их увидеть, — говорю я просто.

Кивнув, набирает что-то на клавиатуре. Через пару минут в кабинет входит та же секретарша с тонкой, но плотной папкой. Кладет на стол Кольцову. На обложке — ничего. Просто матовая серая картонка.

Кольцов открывает ее. Первый лист — толстая, плотная бумага с гербовой печатью в углу. Узнаю этот шрифт. Тот самый, официально-бездушный.

— Брачный договор, — поворачивает папку ко мне, не выпуская ее из рук. — Заключен за неделю до регистрации брака. Все заверено нотариусом.

Моя рука тянется, пальцы скользят по прохладной поверхности. Переворачиваю.

Страницы, испещренные пунктами и подпунктами. Не чернила, а лазерная печать, идеальная и безжизненная. Буквы пляшут перед глазами, сливаясь в серые червячки, но фразы выхватываются мозгом с болезненной четкостью: «режим раздельной собственности» ... «имущество, приобретенное супругом» ... «исключается из совместной собственности» ...

— Вот ключевой момент, — его палец с аккуратным маникюром ложится на пункт 4.7, примерно в середине документа. — «В случае расторжения брака по инициативе супруги Аглаи Игоревны, она добровольно отказывается от раздела любого имущества, приобретенного супругом Свиридовым Максимом Юрьевичем в период брака, за исключением предметов личного пользования и подарков».

Слова «добровольно отказывается» впиваются в сознание, как раскаленные иглы. Под ребрами что-то сжимается, будто внутренности превращаются в лед. Машинально тяну документ ближе, и он мягко сопротивляется на прошивке, как живой. Последняя страница. Две подписи. Моя — размашистая, с юношеским задиристым хвостиком у буквы «я». Его — твердая, ровная, как подпись под приказом. И печать нотариуса, вдавленная в бумагу.

Слова плывут перед глазами. Но смысл вбивается в сознание гвоздями. Квартира — его. Бизнес — его. Машины — его.

— А что... что считается «подарками»? — слышу свой голос, звучащий откуда-то издалека.

— То, что оформлено дарственной. Ювелирные украшения, возможно, меха... — пожимает плечами, как бы извиняясь за бедность списка. — Автомобиль, на котором вы ездите, оформлен на фирму. Квартира — на Максима Юрьевича. Это не подарок.

Закрываю глаза на секунду. Вспоминаю тот день: «Подпиши тут, тут и тут, красавица. Скукота, не читай». И я подписала. Поставила свою фамилию под этим... под этим актом капитуляции.

— А наследство? — открываю глаза. Взгляд становится острым. — Квартира моей матери. Деньги от ее продажи.

Кольцов вздыхает. Перекладывает брачный договор в сторону, достает следующий комплект.

— Генеральная доверенность. Вы предоставили Максиму Юрьевичу полное право распоряжаться данным активом. Продавать, обменивать, реинвестировать средства. Здесь же ваша расписка о получении денежной компенсации за долю в этом имуществе.

Хватаю листок. Бумага холодная и гладкая. Мой почерк, тот самый, размашистый и неуверенный, смотрит на меня как обвинение. «Я, Аглая Игоревна Свиридова, получила от супруга полную денежную компенсацию в размере...» Сумма, равная рыночной стоимости маминой двушки. И подпись. Моя. Палец сам тянется к ней, будто хочет стереть. Не получается.

— Я ничего не получала, — шепчу, и в шепоте слышится хрип. — Он сказал... деньги пойдут в бизнес. На наш общий будущий проект.

— В расписке сказано иначе, — его голос безжалостно ровный. — И нотариус заверил, что вы были в здравом уме и твердой памяти. Суд, Аглая Игоревна, будет смотреть на бумаги. А на бумагах вы получили деньги и... куда они делись дальше — это уже вопрос ваших личных финансовых решений. Максим Юрьевич, как я понимаю, вкладывал их в высокорисковые, но перспективные проекты. Которые, увы, не оправдали ожиданий. Вернуть вложенное не представляется возможным.

Говорит это так спокойно. Будто объясняет, почему испортилась погода. Не его проблема. Юридический факт.

— А Ульяна? Наша дочь. В случае развода, — спрашиваю я, и голос срывается на последнем слоге.

— Если речь об определении места жительства... Ребенку пятнадцать. Суд в обязательном порядке учтет ее мнение. Если она заявит о желании остаться с отцом, и это будет аргументировано стабильностью, условиями для учебы... — делает многозначительную паузу. — Шансы матери, не имеющей собственного жилья и постоянного дохода, крайне малы. Более того, — откашливается, — в случае, если дочь останется с отцом, вы, как родитель, обязаны будете выплачивать алименты на ее содержание. Это процент от вашего дохода. Если дохода нет, от прожиточного минимума региона.

Мир в кабинете замирает. Звук стихает. Вижу, как движутся его губы, но слова долетают обрывками: «...примерно семь-десять тысяч в месяц...», «...плюс дополнительные расходы...», «...ваша фотосъемка вряд ли будет признана стабильным источником...».

Он не издевается. Он просто констатирует. Как патологоанатом. Вот ваши легкие поражены. Вот сердце не бьется. Констатация факта смерти. Моей финансовой, юридической, материнской смерти.

— Я все поняла, — говорю, вставая. Ноги не слушаются, будто деревянные. — Спасибо за... четкость.

— Аглая Игоревна, — тоже встает, и в его голосе впервые звучит нечто, отдаленно напоминающее человеческое уча-

стие. — Может, не стоит торопиться с решениями? Максим Юрьевич — человек основательный. Наверняка, он готов к диалогу. На разумных условиях.

Смотрю на него. На этого ухоженного, успешного человека в его стеклянной коробке. Он часть системы. Колесико в механизме, который меня перемалывает.

— Диалог? — повторяю. — Да. Мы его уже вели. Он продиктовал условия. А я их подписала. Цену своей подписи я только что узнала.

Беру свою сумку, разворачиваюсь и выхожу, не оглядываясь. Дверь закрывается за мной с тихим щелчком.

Кафе через дорогу. Дешевое, пропахшее жареным луком и тоской. Беру эспрессо, который стоит как пол-обеда, и сажусь у грязного окна. Ставлю перед собой телефон. Черный экран — мое отражение. Бледное лицо, растрепанные волосы, огромные глаза, в которых уже нет слез. Только пустота. И в глубине этой пустоты медленно растущий кристалл. Ледяной, острый.

Он не просто предает. Он не просто ударил. Он построил вокруг меня тюрьму с мягкими стенами и золотыми решетками, а ключ от нее заставил выбросить самой, когда я еще верила в сказку. И теперь, когда пытаюсь выйти, он просто показывает план этой тюрьмы. Выхода нет. По правилам его игры.

Мои пальцы сжимают бумажный стаканчик так, что он сморщивается, и горячий кофе обжигает кожу. Боль. Острая,

реальная. Хорошо.

Набираю номер. Света берет сразу.

— Ну что, как визит к шаманам? — ее голос звучит бодро, но слышу напряжение.

— Он затянул петлю, Свет. Юридическую, финансовую, материнскую. У меня нет ничего. По бумагам. Даже права на дочь. Только долги.

На той стороне молчание. Потом тяжелый выдох.

— Блять. Ну и сволочь. Так, стоп. А сам-то он на развод подает?

— Нет. Юрист намекает, что «диалог возможен». То есть, я могу вернуться. В золотую клетку. На птичьих правах. Обслуживающий персонал.

— Вот именно! — в голосе Светы вспыхивает знакомая ярость. — Он не подает! Потому что его и так все устраивало. Год с лишним он жил на две семьи, и ты не рыпалась. Он думает, ты и сейчас сломаешься, вернешься и будешь сидеть тихо. Он, сам того не ведая, дает тебе время! Так выдыхай. И начинай думать. Не о том, как выжить по его правилам. О том, как поменять игру.

Слушаю. Смотрю в свое отражение в окне. За ним — серый город, люди, чужие жизни. «Поменять игру». Слова звучат как бред. У меня нет поля. Нет фигур.

— Свет... Я даже позвонить ей боюсь. Дочке. А вдруг она скажет... то же самое? Или просто бросит трубку?

— А ты чего ждешь от нее? Объятий и покаяния? Она не

твой враг. Она — заложница. Его самая главная заложница. И чтобы ее освободить, нужно сначала взять в заложники его самого. Понимаешь?

Нет. Не понимаю. Но внутри, там, где был ледяной кристалл, что-то щелкает. Тихий, почти неслышимый звук. Механизм, который долго стоял, начинает проворачивать первое, самое тяжелое колесо.

— Ладно, — говорю. — Не понимаю. Но буду разбираться.

— Вот и умница. А сейчас — домой. К нам. Дима готовит какую-то запеканку. И Вера нарисовала тебе портрет.

Не могу сдержать короткий, хриплый звук, похожий на смех. Или на рыдание. Уже не важно.

— Иду.

Вешаю трубку. Еще минуту сижу, глядя на смятый стакан. Встаю. И выхожу на улицу.

Холодный ветер бьет в лицо. Вдыхаю его полной грудью. Вместе с воздухом в легкие врывается что-то новое. Не надежда. Нет. Что-то жестче. Что-то упрямое.

У меня нет его денег. Нет его документов. Нет его дочери.

Но у меня есть ярость. И есть один кадр. Тот самый, где он застыл в дверном проеме с дурацким медведем, с лицом, на котором читался не страх, а холодный расчет. Теперь я знаю цену каждой его улыбки, каждого подарка, каждого «не волнуйся, я все улажу». Он купил мою жизнь по скидке, расплатившись чужим горем. Хорошо. Значит, и у меня есть цена.

И я только что ее узнала.

Этого пока достаточно. Чтобы начать свою игру. Игру, где правила пишет не он.

Глава 7. Бункер. Утро после капитуляции

Просыпаюсь оттого, что солнце бьет прямо в глаза. Секунда блаженного неведения, а потом как обухом по темени. Не моя спальня. Не мои шелковые шторы. Раскладной диван, запах чужого белья и.. запеканки?

Память накатывает черной, липкой волной. Юрист. Бумаги. Пустота. Я – юридический ноль. Финансовый минус. Мать-неудачница.

Встаю, будто под воду погружаюсь. Ноги ватные. Иду на звуки с кухни, опираясь о стены. В дверном проеме замираю и ловлю в темном стекле балконной двери собственное отражение.

Синее. Сначала это просто цвет в полутьме. Но потом детали проступают: моя шелковая пижама цвета индиго. Он всегда говорил, что синий — мой цвет. «*С рыжими волосами — сногшибательно, Аглая*». Теперь это синее кажется мне траурным флагом. Надгробным саваном для той Аглаи, которой он когда-то восхищался.

Волосы — медный беспорядок на фоне темной ткани. Лицо бледное, с запавшими глазами, а под ними тени, которые даже самый толстый слой консилера не скроет.

Я смотрю на это создание и вижу насмешку: его любимый цвет, его когда-то любимая женщина. Теперь — просто призрак в синем, застывший в дверном проеме чужой кухни.

За столом Света в милом костюме для дома, Дима в своем вечном домашнем камуфляже, и Вера, моя крестница, выводит что-то розовым фломастером с таким усердием, что кончик языка высунут.

— Крестная Аглая проснулась! — первая замечает меня Вера и соскальзывает со стула.

Маленькие теплые ручонки обвивают мои колени. Я машинально глажу ее по волосам, вдыхая запах детского шампуня. Это как глоток чистого воздуха после угарного газа. Живое, настоящее. Не то холодное, расчетливое, что осталось там, в моей прежней жизни.

— Рисую тебя, — серьезно сообщает Вера, тыча пальцем в свой шедевр. — Ты тут фея. С крылышками. И с большим глазом, потому что ты все видишь.

У меня перехватывает горло. «Все видишь». Ирония.

— Красивая фея, — выдыхаю я и сажусь за стол.

Дима, не говоря ни слова, ставит передо мной кружку дымящегося кофе. Черного, как мои перспективы. Кивает. Его молчаливая поддержка иногда значит больше любых слов.

Света смотрит на меня оценивающе, как врач на тяжелого пациента после ночи в реанимации.

— Ну что, мозги на месте? Или еще в отключке плаваешь?

— На месте, — бормочу я, обжигая губы. — К сожалению.

Очень даже на месте.

— Отлично, — Света хлопает ладонью по столу, и Вера вздрагивает. — Значит, протокол «антисептик» выполнен. Пора переходить к протоколу «действуй».

Она решительным движением разворачивает ко мне свой ноутбук.

— Коньяк кончился. Похмелье принято. Теперь, кофеин и план. Потому что, дорогая моя, твоя проблема не в том, что ты ничего не умеешь. Проблема в том, что об этом никто, кроме узкого круга восторженных мамочек, не знает. Максим похоронил твое имя и твой талант под фамилией «Свиридова» и скучной ролью «жены успешного бизнесмена». Пора откапывать. Не ее. Тебя. Ту, которая умеет ловить души. И свет.

Я уставилась в экран, где светился логотип какой-то соцсети.

— Какое имя? У меня есть странички... «Аглая Фокус» ... Там несколько работ, контакты. Через нее клиенты находили. Но это все такие же... мелкие заказы. На шарфик и помаду. На разрешенное хобби.

— «Аглая Фокус» — это отлично, — вдруг говорит Дима, не отрываясь от телефона. — Домен свободен. Я его купил ночью.

Я поворачиваюсь к нему, глаза округляются.

— Ты... что?

— Твои соцсети — это витрина в подворотне, — поясняет

он своим ровным, технарским голосом. — Сайт — это галерея на центральной улице. За пару часов сделаю сайт-визитку. Чисто, минималистично. Не только улыбки чужих детей. Вытащим все твои лучшие работы за все годы. Даже те пейзажи, что ты когда-то снимала для души. Биография в три строчки, где нет слова «муж». Только профессия. Это будет твоя крепость. Неприступная.

В его словах нет пафоса. Только констатация факта. И от этого они звучат еще весомее. Он не предлагает пожалеть меня. Он предлагает построить новую реальность. С нуля.

— А пока крепость строится, — вмешивается Света, переключая вкладку на ноутбуке, — вот тебе первое боевое задание. Завтра. Галерея «Белый Квадрат». Открытие выставки «Молчание Материи». Мой проект.

На экране строгая афиша с абстрактным пятном.

— Официальный пресс-фотограф уже есть, — продолжает Света. — Но мне нужен другой взгляд. Не на картины. На людей. На то, как дрожит палец художницы, поправляющей раму за минуту до вернисажа. На зависть, прикрытую сладкой улыбкой коллеги. На первую, неподдельную слезу старика, который узнал в этом цветовом хаосе что-то свое. Мне нужна черно-белая репортажная серия: «За кулисами тишины». Гонорар смешной, хватит на ту самую помаду. Но твое имя будет в каталоге. И в моем пресс-релизе, который уйдет по всем культурным площадкам. Это не работа, Аглая. Это — объявление войны. Войны твоему забвению.

Я смотрю на нее, потом на афишу. Внутри все кричит: «Какая выставка?! У меня мир рухнул! Я банкрот!». Но из этого хаоса медленно всплывает что-то твердое. Шанс. Крошечный, символический, но ШАНС. Снова оказаться по ту сторону объектива не как «жена», а как профессионал. Как кто-то.

— Хорошо, — говорю я, и голос звучит хрипло, но твердо.
— Я сделаю.

— Вот и умница, — Света удовлетворенно щелкает крышкой ноутбука. — А теперь – военный совет. Завтрак окончен.

Она отодвигает тарелку, и мы с Димой невольно повторяем ее движение. Вера, почувствовав серьезность момента, тихо берет свой рисунок и удаляется в комнату, краем глаза поглядывая на нас.

— Юридический фронт, — начинает Дима, складывая пальцы домиком, — как мы выяснили вчера – это минное поле. И карту мин держит Свиридов. Прямая атака – самоубийство.

— Значит, нужен обходной маневр, — подхватывает Света, и в ее глазах зажигаются знакомые искры азарта. — Цель – не выиграть в суде раздел имущества. Это почти невозможно по его бумагам. Цель – создать для его репутации и его бизнеса такой уровень угрозы, чтобы он САМ приполз на переговоры. На наших условиях. Чтобы твое «ничего» по его бухгалтерии превратилось в его «головную боль» в реальном

мире.

— Черный PR? — спрашиваю я, и сама удивляюсь, как спокойно это звучит.

— Элегантный, — поправляет Света. — Не желтуха. Артахус. Не крик, а шепот, от которого у его инвесторов и партнеров побегут мурашки по спине.

Дима кивает.

— Логично. Разбиваем на задачи. Фронт первый: сбор теневого досье. Компромат как козырь.

Он начинает перечислять по пальцам, как будто читает техзадание:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.